
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

DOI 10.24411/1813-145X-2018-10176

УДК 008.001.14

Л. П. Киященко

<https://orcid.org/0000-0002-4244-5732>

Философский ракурс изучения современной массовой культуры (в оптике российского контекста)

Выполнено по гранту Российского научного фонда 14–18–01833-П

В статье осуществлен концептуальный дискурс-анализ собранного научным коллективом эмпирического материала с позиции акцента на парадоксальную контекстуальность дискурса отечественной массовой культуры, возникающего на пересечении влияний мировой и отечественной культур, в сочетании ее глобального контекста и локального (группового, личного) текста. Обращено внимание на специфический и принципиально значимый российский дискурс, который является основанием изучения отечественной массовой культуры и выявления его амбивалентного характера, что находит свое выражение в детальной хронологии возникающих конфликтов и противоречий при оценке текущих культурных событий. Специфика российского дискурса дана через особое внимание к провинции как среде реального доминирования проявлений массовой культуры, рельефно сочетающей локальные и глобальные формы ее репрезентации в текстовом режиме, собранных материалов в эмпирических исследованиях. Рассмотрена самонастраивающаяся динамическая структура текстов массовой культуры в многообразии форм становления российского дискурс-синтеза, отраженного в значимых событиях отечественной культуры нашего времени. Панорама событий представлена в текстах, каждый из которых содержит фермент коммуникативного взаимодействия, диахронно и синхронно связанного с другими текстами. Показана и обоснована перспективность использования междисциплинарной методологии (в плане синергетического, междисциплинарного и трансдисциплинарного подходов) для повышения эффективности плодотворного взаимодействия разнородных дисциплин, знаний и практик в построении целостного представления отечественной массовой культуры. Введена гипотеза о значимости метапозиции философской рефлексии, схватывающей в целом многофункциональное содержание современной культуры через призму массовой культуры, раскрывающей необходимость рассмотрения «включенного третьего» между традиционно различными диспозициями как среду порождения и источник обновления существующих в обществе смыслов и ценностей.

Ключевые слова: философия культуры, массовая культура, текст, контекст, дискурс, российский дискурс, диспозиции, синергетика, междисциплинарность, трансдисциплинарность.

THEORETICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

L. P. Kiyashchenko

A Philosophical Perspective of Studying Modern Popular Culture (in optics of the Russian context)

In the article the conceptual discourse analysis of the empirical material will be presented collected by the research team from the view of the emphasis on paradoxical contextuality of the discourse of national popular culture arising on intersection of influences of world and national cultures in the combination of its global context and local (group, personal) text. Attention is given to specific and essentially significant Russian discourse, which is the base of the national mass culture study and detection of its ambivalent character that has its expression in detail chronology of originating conflicts and contradictions in case of assessment of the current cultural events. The specifics of the Russian discourse is presented through special attention to the province as to the environment of real domination of popular culture manifestations, which is boldly combining local and global forms of its representation in a text mode, of collected materials in empirical researches. The self-setting-up dynamic structure of popular culture texts is considered in a diversity of forms of development of the Russian discourse synthesis, presented in significant events of national culture of our time. The panorama of these events is provided in texts, each of which contains the enzyme of communicative interaction diachronically and synchronously connected to other texts. The prospects to use interdisciplinary methodology (in respect of synergy, interdisciplinary and transdisciplinary approaches) is shown and justified for increasing efficiency of fruitful interaction of

heterogeneous disciplines, knowledge and practices in creation of integral representation of the national mass culture. Here is introduced the hypothesis of the significance of the metaline item of the philosophical reflection covering in general the multifunction content of the modern culture through the prism of the popular culture disclosing the need in reviewing «the third included « between traditionally distinguished dispositions as the environment of result and a source of up-dating existing of meanings and values in the society.

Keywords: culture philosophy, popular culture, text, context, discourse, Russian discourse, disposition, synergetics, interdisciplinarity, transdisciplinarity.

Контекст. Философский ракурс рассмотрения современной массовой культуры в оптике российского контекста прежде всего определяется убеждением автора, что «сейчас важные процессы происходят в массовой культуре, которая не только высвечивает, выговаривает какие-то не замеченные нами тайны современного мира, но и в своих “низких” модусах вырабатывает и апробирует ценности будущей высокой культуры. Способы расшифровки этих сообщений подсаживает нам идейный ресурс, накопленный философией культуры» [8].

Подчеркнем: философия культуры «выговаривает» способы предъявления реальности, с которой и в которой существует ее участник-творец. То, что массовая культура сегодня вырабатывает и апробирует ценности культуры будущего, может быть замечено с метапозиции философской рефлексии, схватывающей в целом многофункциональное содержание разбираемой культуры. Кроме того, важным фактором в выборе такой стратегии исследования является междисциплинарный характер процессов становления артефактов культуры в целом, и массовой культуры в том числе. Междисциплинарность, понимаемая не только как встреча дисциплинарных знаний, но и как зона обмена языками, практиками, пониманиями, умениями, культурным опытом между всеми участниками взаимодействия, случившегося в это время и в этом месте, – это еще и повод, который, как правило, касается животрепещущих проблем общества, в той или иной его части [11]. Причем касание может быть опосредованным (отстраненным наблюдением) и/или прямым (включенным в само действие), что влияет на представление будущего события, описанного дискурсивно. Движение в зоне «между» возникает спонтанно по ситуации возникающего события, поскольку «внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ,

он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [2].

Сложность культурного образования, возникшего при встречах на границах, транспонируется через цепочку возможных методологических заходов с позиций синергетики, междисциплинарности и трансдисциплинарности, двигаясь по спирали к целостному восприятию сложности артефактов культуры. Поскольку синергетика, выросшая из естественных наук, – «зародыш» междисциплинарной методологии, исследующий самоорганизующиеся системы, в которых причинно-следственные связи имеют предел предсказуемости, а на первое место по значимости выходит соотношение случайности и направленных действий, междисциплинарность как таковая добавляет к этому направлению мысли иные ее возможности. Междисциплинарность в прямом смысле означает, прежде всего, локальную кооперацию различных научных областей, объединяясь для решения общей проблемы, циркуляцию общих понятий, создание новых понятий «по случаю», метафорические заимствования для восприятия, понимания и объяснения некоторого (отнодь не простого) явления.

Наконец, трансдисциплинарность, генетически вбирая в себя арсенал средств синергетики и междисциплинарности, преобразуется уже в стратегию исследования сложных открытых систем, возникающих при совместном решении проблем научного знания и проблем жизненного мира, предполагающую интенцию на их целостное восприятие, даруемое философией. Речь идет об очевидной тенденции сохранения интереса к действительности как таковой (что?) с переходом внимания на методологию ее познания (как?) отслеживанием трансформации социально-культурных и нормативно-ценностных факторов этой методологии с учетом активной роли личности как источника, средства и результата общественного и исторического развития [19, с. 30]. Феномен трансдисциплинарности выступает в этих случаях в двух ипостасях: как процесс, реальный опыт трансдисциплинарности и как его исследование, предполагающее философскую рефлексию его основных проблем, подчеркнутое внимание к понятиям и категориям, структури-

рующим сложно организованное поле исследования «между» – территорию становления и проявления отечественной массовой культуры. Для ее структуризации эффективно применение последовательной цепочки концептов, раскрывающих сложноорганизованное образование массовой культуры трехкомпонентного научного кластера через последовательное вложение в друг друга, коды массовой культуры, сферы присутствия массовой культуры, уровни массовой культуры, что и было предпринято в наших исследованиях современной массовой культуры [14].

Методологический арсенал средств, обеспечивающий дискурс-анализ указанных концептов (коды, сферы и уровни), можно представить через последовательное применение синергетики, междисциплинарности и трансдисциплинарности в зависимости от уровня общности решаемых задач в конкретном тексте. Другими словами, самонастраивающаяся динамическая структура текста массовой культуры в многообразии его форм одновременно содержит привязку к порождающему контексту и напрямую указывает на содержание эмпирического события в описании конкретного дискурса.

Текст. Подчеркнем важное для понимания опыта трансдисциплинарности обстоятельство: что его объяснение, понимание и проведение, имеют поведенческо-деятельностный, целенаправленный характер и тем самым меру человеческого присутствия, которые находят свое выражение, если сослаться на Ван Дейка, в дискурсе. Он понимается как текст в контексте, подпадающие под действие дискурс-анализа, и как событие, которое необходимо описать эмпирически [25], создавая синтетический образ события.

Если мы изначально исходим из того обстоятельства, что «специфика массовой культуры состоит не в том, что она “плохая” по своему содержанию, а в том, что, как ни тривиально выглядит это утверждение, она массовая. Стало быть, в сфере массовой культуры в разное время с большей или меньшей степенью вероятности могут оказаться различные и даже противостоящие друг другу ее образцы, в том числе и классические, и фольклорные, и элитарные и пр.» [6, с. 106]. Но существует и иное мнение: что «массовая культура – динамичная, революционная сила, сметающая устоявшиеся барьеры класса, традиции, вкуса и устраняющая все культурные разграничения. Она дробит и смешивает все, что встречается на ее пути, запуская гомогенизацию – процесс, который распределяет пузырьки крема в стакане молока равномерно, вместо того,

чтобы позволить им неупорядоченно взлетать на поверхность. Поэтому массовая культура разрушает все ценности, ведь суждения о ценностях с необходимостью предполагают дискриминацию» [24, р. 15]. Можно и так и этак представлять себе массовую культуру и для этого есть основания, как говорится, «на расстоянии вытянутой руки». Однако нельзя упускать из виду, что «верно оценить судьбоносную важность этих процессов нам мешает их опять-таки чрезмерная наглядность: труднее всего заметить то, что бросается в глаза» [4, с. 60].

Оптика рассмотрения трансформирующихся очертаний отечественной массовой культуры через дискурсивные практики, сочетающие теоретическое обоснование с реальными социокультурными исследованиями реальных событий в обществе, дает возможность схватить плавающие тенденции взаимодействия массовой культуры с классическими образцами, творческой личности и социума, различных институций (религии, образования, искусства) – с архетипическими основаниями массовой культуры. Неоспоримая жизненность и бесспорная для участников универсальность происходящего подсказывают, что именно в массовой культуре происходит вызревание новой культуры [10, с. 268–277]. «Специфика культуры – в ее роли опосредования мира бесчеловечной объективности природы и мира спонтанной человеческой субъективности, в результате чего возникает третий мир объективированных, вписанных в природу человеческих импульсов и очеловеченной природы» [9].

В зоне указанного взаимодействия – зоне пограничного состояния человеческой общности – в зависимости от конкретных обстоятельств времени и места и внешних обстоятельств образуется виртуальный посредник, формирующий амбивалентный образ «включенного третьего» между выделенными диспозициями [7]. Чтобы показать уместность в данном контексте введения концепта диспозитива как собирательного термина для множественного употребления в различных текстах различного рода диспозиций, сошлемся на развернутое его представление у Фуко. «Что я пытаюсь ухватить под этим именем, – писал о диспозитиве Фуко, – так это, во-первых, некий ансамбль – радикально гетерогенный, – включающий в себя дискурсы, интуиции, архитектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также моральные и филантропические положения, – стало быть: сказанное, точно так же, как и не-сказанное, – вот элементы диспо-

зитива. Собственно, диспозитив – это сеть, которая может быть установлена между этими элементами. Во-вторых, что я хотел бы выделить в понятии диспозитива – это как раз природа связи между этими гетерогенными явлениями. Так, некий дискурс может представлять то в качестве программы некой институции, то, напротив, в качестве элемента, позволяющего оправдать и прикрыть практику, которая сама по себе остается немой, или же, наконец, функционировать как переосмысление этой практики, давать ей доступ в новое поле рациональности. Под диспозитивом, в третьих, я понимаю некоторого рода – скажем так – образование, важнейшей функцией которого в данный исторический момент оказывалось: «ответить на некоторую неотложность» [22]. Диспозитив в своем многофункциональном проявлении воспроизводит основополагающее отношение, которое лежит в основе становления нового при решении коллизий пост-, контр-, парадоксальных утверждений, бинарных оппозиций, встреча на границах гетерономных областей, которые вскрываются в дискус-анализе, чтобы знаменовать событие-встречу [13].

Дискурс. Говоря о такого рода событиях, мы подразумеваем работу мысли с парадоксами, бинарными оппозициями, которые знаменуют момент становления, изменения в устоявшихся повседневных нормах жизни общества и канонах рефлексивной деятельности, когда человек и общество подходят вплотную к некогда незыблемым границам и вступают в своей повседневной жизни и практических потребностях в зону перехода, кризиса, встречи с непредвиденными случаями, казусами. Безусловно, не каждое происшествие может стать казусом. Необходимо, чтобы в жизненном происшествии содержался импульс, провоцирующий потребность к осмыслению, к выдвиганию за рамки обыденного, устоявшегося мнения («доксы»). Жизненное событие должно быть парадоксальным. Оно должно содержать в себе императивное требование к научному, философскому, богословскому и иному дисциплинарному осмыслению, то есть выдвиганию за пределы жизненного мира в поисках теоретически обоснованной идеи истины или блага, идеи, претендующей на статус всеобщего.

Схематизируя, можно сказать, что всеобщность воплощает целостность смысла, втягивая в себя субъекта в качестве проблемы выявления связи единичного с радикально иным [20]. Для этого в казусе, непредвиденном событии должно присутствовать качество трагедийной «апории» или «амехании»: «Это невозможность действо-

вать в условиях необходимости. Она возникает не от сознания “расстроенности” мира, а в ясном противостоянии и противоборстве равно мощных и равно правых сил или нужд... Погружаясь в эту апорию,... энергия действия превращается в энергию мысли, а точнее сказать, в энергию сознания» [1, с. 162, 164]. Классический способ прочтения и действия при встрече с парадоксальным течением мысли, двоичное членение природы и общества считалось универсальной чертой человеческого мышления и проявляется в таких характеристиках, как полярность, антагонизм и дополнительность.

В контексте рассмотрения особенностей отечественной массовой культуры важно замечание Ю. М. Лотмана, выделявшего две исторические модели социальной динамики культуры: бинарную и тернарную. По мнению Лотмана, российская дореволюционная культура имела бинарную структуру, отличающуюся от тернарной отсутствием устойчивого срединного (бытового) слоя, который мог бы демпфировать резкие колебания во внешних социальных условиях развития. Относительная слабость этого слоя приводила к тому, что главный удар наносился по основному ценностному ядру, и вся культура в целом не раз ставилась под угрозу разрушения [15]. Речь, как можно представить, идет о существовании самообновляемой буферной зоны, тернарной модели социальной динамики культуры, срединную роль которой могла бы исполнять массовая культура. Специфика культуры – в ее роли опосредования мира бесчеловечной объективности природы и мира спонтанной человеческой субъективности, в результате чего возникает третий мир объективированных, вписанных в природу человеческих импульсов и очеловеченной природы. Культура в своей осуществленности выступает посредником между природой и духом: атмосфера культуры как бы смягчает «жесткое излучение» двух оппозиционных миров и дает им возможность взаимной аккомодации [9].

Способность увидеть и отследить трансформации изменений существующего и появление нового в области философско-культурологических и научных исследований, вершится как бы с середины, поскольку уже включена и погружена в ранее сказанное и достигнута врасплох вопросом из будущего, вставшим поперек традицией намеченного пути. Мысль человека, понуждаемая извечным стремлением к познанию, движется от непроблематичной с виду самоочевидности начала, предположенного к разворачиванию «действительности

существующего в возможности» (Аристотель). Здесь главенствует метафизика относительно – «все существующее с самого начала отнесено к другому и определяется через эту отнесенность» [2]. Причем эта отнесенность хронотопична, позиционируя себя в здесь-теперь через различия во времени и пространстве (диспозиции), что, в свою очередь, формирует предпосылки поэзиса – производства артефактов культуры в ее специфических композициях. Подчеркну, диспозиционность начала всецело ориентирована на продуцирование множественности и составляющих их различий [7], которые связываются в единство произведений культуры, ее творческих композиций, образуя то, что на фоне дискурс-анализа дается как дискурс-синтез, воспроизводящий момент целостного восприятия культурного развития в конкретных (локальных) обстоятельствах своего появления [13]. «Дискурс как социальная практика предполагает диалектическую взаимосвязь между определенным дискурсивным событием и ситуацией(ями), институтом(-ми) и социальной структурой(-ами), которые задают его структуру, – они формируют дискурсивное событие, но также дискурсивное событие формирует его. Дискурс конституирует – в смысле помогает поддерживать и воспроизводить социальный статус-кво и в то же время способствует его трансформации» [18, с. 48].

Продуктивным для философского и культурологического знания можно считать идею научного плюрализма, ответственного и тонкого обращения с понятийным аппаратом (дискурс, парадигма, коммуникация, деятельность), предлагающего много своеобразных трактовок понятия «междисциплинарность» (идея целостности, концептуальное пространство). Так, в контексте предложенной Фуко программы формирования нового подхода к феноменам дискурсивной сферы им на передний план выдвигается не аналитика «порядка дискурса», но рассмотрение дискурсивных процессов в качестве самостоятельной процессуальности смыслопорождения. Ставя задачу «вернуть дискурсу характер события» и рассматривая при этом «событие» как флюктуацию в поле дискурса, Фуко фиксирует ее реализуемый на уровне самоорганизации дискурсивного поля и не сопряженный с познавательным целеполаганием мыслящего субъекта характер. По его мнению, в сфере исследования дискурсивных практик «более уже невозможно устанавливать связи механической причинности или идеальной необходимости. Нужно согласиться с тем, чтобы ввести непредсказуемую случайность

в качестве категории при рассмотрении продуцирования событий» [17], что является прямой перекличкой с идеями применения к анализу массовой культуры методологии синергетики, междисциплинарности и трансдисциплинарности.

Философская рефлексия, существующая в трансдисциплинарном подходе, ориентирована на постижение становящейся сложноорганизованной структуры массовой культуры, продуцирующей новые смыслы в жизненном пространстве общества при критической оценке их позитивной результативности в трансформации сознаний.

Массовая культура. Познание многообразия аспектов и проявлений культуры вызывает к работе в парадигме трансдисциплинарности. Последняя ориентирована на динамичное сочетание общезначимого и всеобщего в знании и в практической деятельности. Если общезначимость выражает социальную конвенцию и опирается на объектный состав совместного действия сообщества, разворачивающееся, как правило, в повседневности жизненного мира, то источником всеобщего выступает обращение к универсальности смысла, идеальности целерациональной деятельности каждого человека. Последнее лежит в основе трансдисциплинарного исследования, питающего варианты развития в становлении инвариантов его дискурсивных практик, в том числе и холистической интуиции. Ожидается, что при трансдисциплинарности становление холистической интуиции, воображения будет расширять возможности аргументов от самосознания и личного опыта, не отменяя существующие традиционно аргументы от реальности, аргументы от общественного установления, аргументы от логики. При этом обостряется проблема общественного и личного внимания и понимания необходимой ответственности за интуицию [5].

Появление феномена массовой культуры, несомненно, носит общецивилизационный характер, становясь неотъемлемым признаком происходящей в современном мире глобализации. И тем не менее особый интерес представляет вопрос о конкретно-историческом произрастании данного феномена на той или иной национально-самобытной почве, сопрягаясь с которой он обретает контекст своего осмысления. Интернациональность масскультулы ни в коем случае не отменяет его национального колорита и своеобразности [21]. Специфика российского дискурса может быть особо подчеркнута вниманием со стороны как ведущих, так и более молодых исследователей к провинции как среде присутствия массовой

культуры, рельефно сочетающей локальные и глобальные формы ее репрезентации [12].

Так, текущая ситуация в глобальной индустрии развлечений сложна и концептуально, и экономически. В мире конвергирующихся технологий потенциальная ценность от включения в транснациональные ответвления нового глобального рынка гораздо выше, чем ранее. Речь идет о привлечении публики, проживающей в разных регионах и странах, но разделяющей общую идентичность, язык и идентификационную принадлежность. Эта аудитория дисперсна и не ограничивается национальными границами, выкраивая собственную идентификационную нишу, не зависящую от физического местонахождения. Каждый человек, принадлежащий к глобальной публике, располагает множественными социальными идентичностями. Эти идентичности подпитываются спектром доступных человеку источников развлечения. Оппозиции между чужим и местным, доминантными культурами и субкультурами снимаются. Утверждается, что термин «глобализация» уже не вполне подходит для описания фрагментированной и комплексной реальности, с которой мы сталкиваемся, что происходит движение в направлении постглобального мира, где внутри регионов происходят то дробления, то укрупнения, где национализм соседствует с налагающимися друг на друга площадями покрытия СМИ [23].

Сегодня уже не является предметом дискуссий тот факт, что массовая культура началась не в эпоху информационной революции, хотя свое завершение и абсолютное логическое воплощение нашла в последней. Связь одного с другим несомненна. Однако столь же несомненно и то, что ставить знак равенства между массовой культурой и культурой информационного общества, мыслить масскульт и канал связи как нечто единое и нераздельное не следует. Безусловно, массовая культура способствовала воцарению информационности на пьедестал почета. Но не только она. И не только ради величия масскультула налаживаются информационные цепочки [17]. Безусловно, место и роль массовой культуры в информационную эпоху требует особого исследования. Отметим только, что информационная волна, «накрывшая» современное общество, обусловила растерянность и неопределенность попавшего в цунами при выборе собственной позиции, сохранения себя в противостоянии необычному и неожиданному. Ведь культур ровно столько, сколько субъектов (и квазисубъектов) культуры (таковы личность, группа, этнос, локус, эпоха,

цивилизация...). Разные временные и локальные типы культур время от времени вступают друг с другом в конфликт, причем этот тип конфликта приносит человечеству наибольшие неприятности, расковыывая наихудшие страсти. Однако все перечисленные проблемы, которые приносит с собой культура, искупаются ее решающим достоинством: без культуры столкновение человека со всемогущей природой закончилось бы в ее пользу быстрее и радикальнее, чем того хочется большинству из нас [9].

Заключение. Сфера действия между природой и культурой, захватывая края той и другой, имеет явные очертания массовой культуры со своими национальными особенностями. Смысл массовой культуры в российском исполнении может заключаться в том, что для русской культуры существенна и важна не только, а возможно, и не столько индивидуалистическая установка (в отличие от островных англичан), а коллективная парадигма. Соборность и коллективизм, единство и массовость, потребность в общении и готовность к существованию в... массе. Другое дело, что для России приобщение к массе – вовсе не обязательно потеря индивидуальности (Маяковский – «я счастлив, что я этой массы частица»). Причем еще очень важно, что идеологемы вроде «коллектива» (с положительной коннотацией, которая сегодня у нас начисто перечеркнута, в деловой речи теперь существует «компания» и «корпорация» – просто транслируются названия формальных сообществ в сферу неформального общения), «сообщества» (с нейтральной коннотацией) или «массы» (с негативной коннотацией) важны именно и только для России. У нас важно не только то, как функционирует тот или иной механизм, но еще и то, как его называют. Вот у нас назвать «массой» – это оскорбить навсегда.

Специфика российского дискурса была особо подчеркнута вниманием к провинции как среде присутствия массовой культуры, рельефно сочетающей локальные и глобальные формы ее репрезентации. Можно согласиться с мнением, что важнейшим уроком проведенного анализа является осознание того факта, что при анализе феномена массовой культуры, при выяснении его границ и регламентов функционирования нельзя игнорировать весь арсенал современных познавательных методик, делающих ставку на междисциплинарность и ее возможные типы. С традиционных, дисциплинарно-различенных позиций трудно адекватно оценить как положительные, так и отрицательные стороны массовой

культуры, тем более выработать конкретно-практические рекомендации, а также вычлениить те константы массовой культуры, которые манифестируются в любой форме масскульты, выступая ее дискурсивными и процессуальными детерминантами [17].

Библиографический список

- Ахутин, А. В. Открытие сознания (древнегреческая трагедия) Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры [Текст] / А. В. Ахутин. – М.: Наука, 1993. – С. 162, 164.
- Бахтин, М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин // Собр. соч. – Т. 1. – М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. – С. 282.
- Гайденок, П. П. К предистории становления новейшей европейской науки [Текст] / П. П. Гайденок // Философия. Наука. Цивилизация. – М., 1999. – С. 29.
- Генис, А. А. Конь в кармане: лирическая культурология [Текст] / А. А. Генис. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГИ, 2016. – 216 с.
- Герасимова, И. А. Типы аргументации и их возможности в трансдисциплинарном диалоге [Текст] / И. А. Герасимова // Бажанов В. А., Шольц Р. В. (ред.). Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. – М.: Навигатор, 2015. – С. 433–450.
- Гофман, А. Б. Дилеммы подлинные и мнимые, или о культуре массовой и немассовой [Текст] / А. Б. Гофман // СОЦИС. – 1990. – № 8. – С. 106.
- Гречко, П. К. Диспозиции: онтологическая перспектива и коммуникативная аппликация [Электронный ресурс] / П. К. Гречко // Вопросы философии. – URL: vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view...
- Доброхотов, А. Философия культуры [Электронный ресурс] / А. Доброхотов. – URL: i.uran.ru/webcab/system/files/bookspdf/filosofiya-kultury/filosofiya.pdf
- Доброхотов, А. Избранное [Текст] / А. Доброхотов. – М.: Территория будущего, 2008. – 472 с.
- Злотникова, Т. С., Ерохина, Т. И. Глобализационный и аутентичный контексты российской массовой культуры [Текст] / Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина // Обсерватория культуры. – Т. 14. – № 3. – С. 268–277.
- Злотникова, Т. С., Ерохина, Т. И., Новиков, М. В. Человек в современной российской провинции (концепция и направления социокультурного исследования) [Текст] / Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина, М. В. Новиков // Ярославский педагогический вестник. Том 1 (Гуманитарные науки). – 2014. – № 3. – С. 218–223.
- Злотникова, Т. С., Ерохина, Т. И., Летина, Н. Н., Киященко, Л. П. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры [Текст] / Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина, Н. Н. Летина, Л. П. Киященко // Вопросы философии. – 2014. – № 11. – С. 125–136.
- Киященко, Л. П., Киященко, Н. И. Культура: диспозиция и композиция поэзиса (интервальный опыт истолкования) [Текст] / Л. П. Киященко, Н. И. Киященко // Ярославский педагогический вестник. – Т. 1. (Гуманитарные науки). – 2013. – № 4. – С. 288–293.
- Коды массовой культуры: российский дискурс [Текст]: коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – 240 с., илл.
- Лотман, Ю. М. Культура и взрыв [Текст] / Ю. М. Лотман. – М.: Гнозис, 1992.
- Массовая культура: российский дискурс (методология изучения, актуальные практики) [Текст]: коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. – 628 с., илл.
- Соколов, Е. Г. Аналитика массовой культуры [Электронный ресурс] / Е. Г. Соколов. – URL: <http://www.dissercat.com/content/analitika-massovoi-kultury#ixzz5JQSogM8v>
- Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер: пер с нем. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2017. – С. 48.
- Тулчинский, Г. Л. Личность как автопроект и бренд: некоторые следствия [Текст] / Г. Л. Тулчинский // Философские науки. – 2009. – № 9. – С. 30.
- Шеманов, А. Ю. Проблема самоидентификации современного человека в качестве субъекта культуры [Текст] / А. Ю. Шеманов // Философские науки. – 2012. – № 11. – С. 106–118.
- Шугуров, М. В. Масскультурный лик России [Текст] / М. В. Шугуров // Серия «Symposium», Российская массовая культура конца XX века. – Выпуск 15. – Материалы круглого стола 4 декабря 2001 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 216.
- Фуко, М. Диспозитив [Электронный ресурс] / М. Фуко. – URL: http://mirslouvrei.com/content_fil/dispozitiv-1326.html.
- Blackley, J. Entertainment Goes Global: Mass Culture in a Transforming World. Norman Lear Center, 2001. P. 11.
- Macdonald, D. A Theory of Mass Culture // Diogenes, 1953, Vol. 1, Issue 3, p. 15.
- Van Dijk. T. Text and Context. Exploration in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London: Longman. 1977.

Reference List

- Ahutin, A. V. Otkrytie soznaniya (drevnegrecheskaja tragedija) Chelovek i kultura. Individual'nost' v istorii kulture = Discovery of consciousness (Ancient Greek tragedy) Man and culture. Identity in the history of culture [Текст] / А. В. Ахутин. – М.: Наука, 1993. – S. 162, 164.
- Bahtin, M. M. K voprosam metodologii jestetiki slovesnogo tvorchestva = To questions of methodology of verbal creativity aesthetics [Текст] / М. М. Bahtin // Sobr.

soch = Collected works. – T. 1. – M.: Russkie slovari, Jazyki slavjanskij kul'tury, 2003. – S. 282.

3. Gajdenko, P. P. K predstorii stanovlenija no-voevropejskoj nauki = To background of formation of the new European science [Tekst] / P. P. Gajdenko // *Filosofija. Nauka. Civilizacija = Philosophy. Science. Civilization.* – M., 1999. – S. 29.

4. Genis, A. A. Kon' v karmane: liricheskaia kul'turologija = Horse in a pocket: lyrical culturology [Tekst] / A. A. Genis. – M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANH i GI, 2016. – 216 c.

5. Gerasimova, I. A. Tipy argumentacii i ih vozmozhnosti v transdisciplinarnom dialoge = Types of the argument and their opportunity in transdisciplinary dialogue [Tekst] / I. A. Gerasimova // *Bazhanov V. A., Shol'c R. V. Transdisciplinarnost' v filosofii i nauke: podhody, problemy, perspektivy = Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects.* – M.: Navigator, 2015. – S. 433–450.

6. Gofman, A. B. Dilemmy podlinnye i mnimye, ili o kul'ture massovoj i nemassovoj = Original and imaginary dilemmas, or about mass and non-mass culture [Tekst] / A. B. Gofman // *SOCIS.* – 1990. – № 8. – S. 106.

7. Grechko, P. K. Dispozicii: ontologicheskaja perspektiva i kommunikativnaja aplikacija = Dispositions: ontologic prospect and communicative applique [Elektronnyj resurs] / P. K. Grechko // *Voprosy filosofii = Philosophy questions* – URL: vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view...

8. Dobrohotov, A. Filosofija kul'tury = Culture philosophy [Elektronnyj resurs] / A. Dobrohotov. – URL: i.uran.ru/webcab/system/files/bookspdf/filosofiya-kul'tury/filosofiya.pdf

9. Dobrohotov, A. Izbrannoe = Selected works [Tekst] / A. Dobrohotov. – M.: Territorija budushhego, 2008. – 472 s.

10. Zlotnikova, T. S., Erohina, T. I. Globalizacionnyj i autentichnyj konteksty rossijskoj massovoj kul'tury = Globalization and authentic contexts of the Russian popular culture [Tekst] / T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina // *Observatorija kul'tury = Observatory of culture.* – T. 14. – № 3. – S. 268–277.

11. Zlotnikova, T. S., Erohina, T. I., Novikov, M. V. Chelovek v sovremennoj rossijskoj provincii (konceptcija i napravlenija sociokul'turnogo issledovanija) = The person in the modern Russian province (the concept and directions of a sociocultural research) [Tekst] / T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina, M. V. Novikov // *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. Tom 1 (Gumanitarnye nauki) = Jaroslavl pedagogical bulletin. Volume 1 (The Humanities).* – 2014. – № 3. – S. 218–223.

12. Zlotnikova, T. S., Erohina, T. I., Letina, N. N., Kijashhenko, L. P. Russkaja provincija v filosofskom diskurse: konceptualizacija metafory = The Russian province in a philosophical discourse: conceptualization of a metaphor [Tekst] / T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina, N. N. Letina, L. P. Kijashhenko // *Voprosy filosofii.* – 2014. – № 11. – S. 125–136.

13. Kijashhenko, L. P., Kijashhenko, N. I. Kul'tura: dispozicija i kompozicija poezisa (interval'nyj opyt istolkovanija) = Culture: disposition and composition of poezis (interval experience of interpretation) [Tekst] / L. P. Kijashhenko, N. I. Kijashhenko // *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik.* – T. I. (Gumanitarnye nauki) = *Jaroslavl pedagogical bulletin. Volume 1 (The Humanities).* – 2013. – № 4. – S. 288–293.

14. Kody massovoj kul'tury: rossijskij diskurs = Codes of popular culture: Russian discourse [Tekst] : kollektivnaja monografija / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinoj. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. – 240 s., ill.

15. Lotman, Ju. M. Kul'tura i vzryv = Culture and explosion [Tekst] / Ju. M. Lotman. – M.: Gnozis, 1992.

16. Massovaja kul'tura: rossijskij diskurs (metodologija izuchenija, aktual'nye praktiki) = Popular culture: Russian discourse (study methodology, relevant practices) [Tekst] : kollektivnaja monografija / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2016. – 628 s., ill.

17. Sokolov, E. G. Analitika massovoj kul'tury = Analytics of popular culture [Elektronnyj resurs] / E. G. Sokolov. – URL: <http://www.dissercat.com/content/analitika-massovoi-kul'tury#ixzz5JQSogM8v>

18. Ticher S., Mejer M., Vodak R., Vetter E. Metody analiza teksta i diskursa = Methods of the text analysis and discourse / S. Ticher, M. Mejer, R. Vodak, E. Vetter : per s nem. – H.: Izd-vo Gumanitarnyj Cent, 2017. – S. 48.

19. Tul'chinskij, G. L. Lichnost' kak avtoproekt i brend: nekotorye sledstvija = Personality as an autoproject and brand: some investigations [Tekst] / G. L. Tul'chinskij // *Filosofskie nauki.* – 2009. – № 9. – S. 30.

20. Shemanov, A. Ju. Problema samoidentifikacii sovremenogo cheloveka v kachestve sub#ekta kul'tury = Problem of self-identification of the modern person as the subject of culture [Tekst] / A. Ju. Shemanov // *Filosofskie nauki.* – 2012. – № 11. – S. 106–118.

21. Shugurov, M. V. Masskul'turnyj lik Rossii = Mass cultural face of Russia [Tekst] / M. V. Shugurov // *Serija «Symposium», Rossijskaja massovaja kul'tura konca XX veka. – Vypusk 15. – Materialy kruglogo stola 4 dekabrja 2001 g = Symposium series, Russian popular culture of the end of the 20th century. – Issue 15. – Materials of the round table on December 4, 2001. – SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2001. – C. 216.*

22. Fuko, M. Dispozitiv = Dispositif [Elektronnyj resurs] / M. Fuko. – URL: http://mirslovarei.com/content_fil/dispozitiv-1326.html.

23. Blackley, J. Entertainment Goes Global: Mass Culture in a Transforming World. Norman Lear Center, 2001. P. 11.

24. Macdonald, D. A Theory of Mass Culture // *Diogenes*, 1953, Vol. 1, Issue 3, p. 15.

25. Van Dijk. T. Text and Context. Exploration in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London: Longman. 1977.